

стас неотумагорин

ЗА сорок

16+

Стас Неотумагорин

За сорок

«Автор»

2017

Неотумагорин С.

За сорок / С. Неотумагорин — «Автор», 2017

Просыпаясь с утра, чувствуешь какой-то жизненный подвох. Неторопливо листаешь сценарий многозадачного фильма. Сильно научного, но абсолютно не популярного. Главным героем которого являешься ты, разрываемый на части от невозможности поэтапного решения задачи за задачей. Лежишь, хлопаешь кожаными шторами узких занавесов в надежде, что как-то оно само, все это. Точно решится. Весь этот бесконечный мыльный сериал. Про работу, коллег, погоду, друзей, особенность петербургского менталитета, возраст, девушек, возраст девушек, бренность и относительность, искусство и порок. Такие разные истории...

© Неотумагорин С., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Простая жизнь	5
Урожайность осенней палитры	8
В старом парке	10
Её весна	12
Ответственность	14
Она Он Они	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Стас Неотумагорин

За сорок

Простая жизнь

"Но я не он, и я живу не его жизнью, а своей, маленькой, мещанской, но безопасной и наполненной обязанностями" Герман Гессе "Степной волк"

Простая жизнь. Не та, которая проще некуда.

Простая жизнь возможна. Даже необходима. Кому-то иногда. Кому-то всегда. Кто-то не знает, как жить другой жизнью, кроме как простой.

В современной действительности простая жизнь вызывает чувство неприязни. Даже непонимания. Сошёл с дистанции. Лох. Дауншифтер. Или по толстовски-опростился. Можно услышать много нелицеприятного, несмотря на осознанный выбор человека. Люди могут иногда просто уставать. Такое тоже случается. Или просто захотелось. И думайте, о чем вам заблагорассудится.

За весь мир говорить не хочу. Скажу за вечно солнечные испанские просторы. Наблюдение в течении нескольких счастливо-прожитых лет. По-простому прожитых. Может быть за исключением первого посещения этой страны.

Что для испанцев есть простота? Простая жизнь это-семья, это всегда вместе, это простая еда. Это умение радоваться простым вещам, простым и незначительным подаркам. Ценить все то, что тебя окружает в настоящий момент. Момент, заставший тебя в любом месте. В любое время суток. Улица, пляж, магазин, горы, рынок, скамейка городской площади. Везде.

Люди, отличающиеся немногим от других таких же людей. Люди умеющие жить. Чувствовать. Наслаждаться. Радоваться жизни даже в её грустных проявлениях. Испанская печаль бывает только двух видов. Один из них это болезнь. Когда даже незнакомцы на улице пытаются тебе помочь любым доступным способом. Другой вид печали, когда кто-то умирает. Это серьёзная трагедия и соболезнуют жители не только твоего дома, а всей вашей улицы. И пожилая пара с собачкой с соседней. И хозяин овощной лавки ещё с одной улицы.

Искренне переживают и поддерживают. Даже когда проходит много времени. Даже когда родные сами уже забывают. Память у простоты надёжнее и верней. Неподдельная.

Радость простоты безгранична. Как всегда в последний раз. Как мурашки после громкого чихания. Такая обычная эйфория.

На малолюдном пляже средиземноморского побережья. Недалеко от деревушки под названием Санта-Пола. Три молодых парня на вид лет пятнадцати, коротко стриженные, загорелые, в шортах тёмных тонов по колено. Все белозубые как один, крикливые и звонкие. Вытворяли невероятные трюки с футбольным мячом. Мяч, как намагниченный, не смел коснуться земли. Ни у кого из них. Запросто перелетал с одной смуглой от загара кожи на другую. Прилеплялся.

Компанию дополняла жгучая чернявка. Молодая испанская девчонка. С мокрыми чёрными, развевающимися на слабом ветру волосами. Хлопала смоляными ресницами в такт ударам мяча. Одного возраста с парнями. В треугольниках ярко-белого купальника. Сидела по-простому на горячем мелком песке, поджав одну ногу под себя, посреди разбросанной всеми одежды и пляжных шлепок. Заразительно смеясь, она фотографировала парней на обычный пленочный фотоаппарат. Иногда выкрикивая слова ободрения каждому из них по очереди. Когда удавался какой-то немислимый трюк с мячом. Мяч был старым и потертым с небольшим пузырьком сбоку, но команды ребят исполнял как податливый кусок теста.

Наигравшись в мяч, парни решили окунуться в тёплое море. Подбежав к своей единственной прелестной спутнице, начали наперебой предлагать руку. Руку помощи и лёгкость своей компании в достижении солёной воды. Не переставая улыбаться, громко сулили ей множество морских сокровищ: живого осьминога, опасного краба, радужных рыбёшек, причудливых ракушек, гладких и округлых камней, вылизанных волнами. Красотка, несильно сопротивляясь, отсылала их жестами подальше. В сторону воды.

Парни, устав от уговоров, понеслись к лазурно-пенным волнам. С разбега они изящно поднырнули под очередного "барашка". Центр веселья и задиристости переместился на мелководье прибрежной зоны. Парни стояли на руках, прыгали с плеч друг у друга, подолгу задерживали дыхание, замирая под водой. Один из них победно взметнул руку над поверхностью с крупным квадратным крабом. Краб беспомощно сводил-разводил по сторонам раскинутые в приветственном объятии клешни. Как таракан сучил всеми ногами одновременно. Пытался хоть кого-то из веселящихся обидчиков достать своей боевой клешней. Парни махали подружке руками и крабом. Звали к себе в изумрудно-голубое пенящееся море. Озирающаяся по сторонам и погрузневшая было девушка, продолжала, шутя отмахиваться, но уже менее уверенно. Она была в полушаге от согласия составить им компанию. Внезапно, парни все втроём начали, профессионально хлопая в ладоши и щёлкая пальцами отбивать четкий ритм. Зажигательно-чёткий ритм танца. Как удары сердца. Вдобавок, ломкими басовитыми юношескими голосами, стали подпевать красивую и немного грустную песню о тореадоре. Глаза красотки вспыхнули блеском на фоне и без того яркого солнца. Вскочив, она, изящно подгибая коленки, двигая телом и живо щёлкая пальцами, согнутых у головы рук, начала движение в сторону моря. В сторону юношеского хора. Сколько жизни было в этом движении! Кажется, вся испанская безудержная страсть вселилась в эту маленькую бестию. Тесемки завязок-бантиков купальника на бронзовом теле нахально подрагивали белыми витыми змейками. Подпрыгивали в такт движения корпуса танцовщицы. Парни взвыли от восторга. Начали свистеть наперебой при этом, не переставая хлопать в ладоши.

Добравшись до воды, она грациозно вошла в морскую пену, несмотря на волны, разбивающиеся мелкими брызгами о её ноги. А затем, с громким смехом кинулась к ребятам.

Они долго все вместе плескались и фыркали водой. Плавали наперегонки. Нырjali и кричали. Компания, наконец, выбралась на берег, отряхиваясь от солёных капель и следов песочных клякс на теле. Игнорируя место игры в футбол, они расселись по горячим жёлтым валунам. Осколкам гряды уходящей неровным гребнем прямо в море. Один из парней среди вороха футболок и пакетов раскопал огромный темно-зеленый шар. Арбуз на вид был очень тяжёлым. Неизвестно, как они его сюда дотащили. Другой из подростков оглядывался в поисках подходящего первобытного инструмента. Оборудования для достижения сладкой сахарной начинки. Ни один из ребят не был похож на владельца перочинного, или какого бы то ни было ножа. Отыскав подходящий, немного с заострённой кромкой камень, парень со всей силы воткнул его прямо в прочный бок тайника арбузной сладости. Легко и глухо хрустнув, корка арбуза поддалась с первого раза. Вся четверка жадно накинулась и начала ломать поруганную целостность зеленого гиганта. Нервные пальцы торопливо замелькали. Ладони сложенные горшнями загребали прозрачную мякоть. Ярко-красный сок лился по рукам, ногам, молодым спортивным телам. Липкие капли падали на горячий песок, высыхая практически на глазах. Парни заслоняли куски арбуза торсом от лёгкого ветерка с моря, приносящего крупницы песка. Девушка, сладкой рукой почесав спину, испачкала и сдвинула резинку купальника. Обнажила молочно-белесое пространство, не обласканное лучами горячего испанского солнца. Собрав в пакет раскиданные корки того, что раньше называлось арбузом, молодёжь с веселыми криками кинулась опять в прибрежную лазурь.

Маленьким песочным взрывом рядом со мной упал чёрный телефон. Воткнулся почти вертикально прямо в песок. Следом упали дешёвые электронные пластиковые часы.

– Пойдём тоже окунёмся! – раздосадованный Серега смотрел вслед удаляющимся подросткам, затем перевёл взгляд на семечки и оставшиеся кусочки розовой плоти на песке.

Два, неизвестно откуда взявшихся, выгоревших на солнце пепельных голубя, опустившись на песок стали клевать остатки арбуза и семечки с обжигающего песка.

– Мой малыш звонил! Пригласили их, видите ли, с дочуркой на очередное событие. Гонку олдтаймеров. Достоинственно-отреставрированных машин. По этому случаю, кабриолетик она себе прикупила. Маленький такой. Беленький. Нахера в Москве кабриолет? Куда я его потом дену? Ей понравилось, как дверки открываются. Цапочки предложили ей в прокат взять в Столешниковом. Одобрения моего хочет для залогового депозита. Сама уже краев не ощущает так и дочку туда же втянула. Такие уж светские львицы. Слова её эти уменьшительно-ласкательные. Как будто не коренная москвичка вообще. Или можно подумать от них менее больно становится, когда весь этот расточительный бред слушаешь, – Серега что-то остервенело, искал рукой в кармане красных, под флаг Испании, изрядно поношенных шорт.

– А чего ты их с собой сюда не взял? В Испанию. У тебя здесь прекрасный дом. Просторный бассейн. И прочие атрибуты качественной жизни.

– О чём ты друг? Я купил этот дом три года назад, ты думаешь, кроме меня сюда кто-то приезжает? Ей с дочкой Лазурку подавай. Говорят, что если кто узнает в какой они деревенской жопе мира отдыхают, засмеют до смерти. Они сразу после этой гонки персональным чартером в Ниццу летят. Там на пляжных белых диванах коктейли, видите ли, правильные подают. И фотографии лучше получаются, по их мнению. Да и куриная стая её там сгрудилась. Все московские пышногубки слетелись на голубой огонёк. Знаешь? Яхтенный такой. Да ну их в пень! Ты идёшь? Или дальше жарится будешь? – Серега, наконец, посмотрел в мою сторону.

– Да с превеликим удовольствием! Составлю тебе компанию и той беззаботной и ещё непорочной молодёжи.

Не вприпрыжку конечно, но мы тоже побрели с Серегой к морю. По нестерпимо обжигающему ступни песку. Прямиком к шумной, плескающейся группе. Думая каждый о своём. Серега, видимо о своей семье и жизни. Об уже свершившихся и предстоящих тратах. Я пытался ни о чем не думать. Просто наслаждаться моментом, глядя на беззаботную молодёжь.

Возможно, это дети богатых родителей. Ищущие счастье в простоте. В минутном наслаждении каждым моментом счастливой жизни. А возможно, это настоящие люди. Люди из небогатых семей. Живущие настоящей жизнью, которую когда-то можно будет вспомнить. Вспомнить, рассматривая пожелтевшие фотографии, сделанные испанской девушкой. Ни у одного из них не звонил телефон. Никто не отвлекался на посторонние тяжёлые думы. Каждый слушал каждого. Внимательно. Они просто жили. Жили счастливо и просто. Проживая каждый миг.

Позже, выезжая на дорогу с этого полудикого пляжа, мы встретили этих подростков. Они стояли на автобусной остановке. Девушка в свободном цветастом сарафане оживлённо что-то рассказывала внимательно слушающим её парням. Широко размахивала руками и обезоруживающе неподдельно улыбалась. Парни улыбались в ответ. Один толкал другого в плечо, показывая на рассказчицу. Невольно мы оба залюбовались этой картиной. На короткий счастливый миг. Кажется, что даже искренне позавидовали. По-простому.

Урожайность осенней палитры

Дожди случаются, но не в душе...

Сентябрьская погода радует. Солнце щедро размазывает свои лучи по окружающему миру. Правда, под аккомпанемент уже чересчур освежающего ветра. Пытаясь проникнуть под складки одежды, он желает выветрить остатки легкомысленного лета. Оставляя местами памятные отрывки. Спасибо и за это.

Прогнозы, как и общение с некоторыми людьми впечатляют. Одна знакомая сообщила: "Я знаю человека, который знает человека, который близок к погоде, так вот он обещал – тёплый Октябрь!"

Когда я с интересом посмотрел на неё, в надежде, что её знакомства ведут на самый "верх", за самые облака, она поправилась: "...он свои наблюдения строит на поведении пчёл, которые и дали понять тёплые перспективы, будущие приятные погодные аномалии. Пчелы констатировали смещение сезонов назад на три недели".

Представляю картину: пчёлы пишут рекомендательное письмо в Росгидромет. Хотя насекомым и животным определённо можно верить. Иногда больше, нежели людям. У них нет часов, термометров и барометров. Даже календаря нет. Зато есть связь с "верхом". Прямая линия.

Каждый верит в то, что ему ближе. В пчёл. В Росгидромет. Я верю в погоду в телефоне, связи у меня нет. Той самой прямой. Все сам. А ещё, я верю в себя. Хоть и многие именуют меня слишком оптимистичным жизнелюбом. Не отказываюсь от этого и не перестану верить. Безусловно, так сложнее, но определённо, так интереснее. Ну, вот сами представьте, хотели бы вы читать исключительно грустные мысли? Грустные мысли, как горькие мюсли. Вкус есть, пользы нет. Грусть – это просроченная радость. Слишком просроченная. А ведь так хочется лёгкости и свежести...

Кому сложно представить, может подумать о весне на крайний случай. Там как-то все более сговорчивые и женщины и природа.

И почему бы не ощутить, что-то похожее в сентябре? Когда ещё свежо предание о лете.

Любимая ленинградская земля насторожила. Оказалось – не готов.

К после южному возвращению. Не то, чтобы не хотел. Чрезмерно разнежился, наверное, на тёплых дальних берегах. Задвинул локальные заботы очень далеко. А может попросту забыл об их существовании. Если проблем не видно на горизонте, значит, их нет.

Один из первых встреченных знакомых поинтересовался: "Чего желтый такой? Болеешь что ли?"

На фоне его мертвенно синей и сморщенной, как куриная кожа (тут хотел другое слово написать), во времена советских магазинов, лишённой волос головы. Действительно желтый. Желтый среди синего и зелёных.

Очень много зеленого вокруг. Настолько непривычная буйная зелень. Правда, местами с проседью. Осенними листочками. Но в Испании вообще все выжжено беспощадным солнцем.

И вода. Любимый мегаполис встретил приземление самолёта обильными каплями. Санкт-Петербург и дождь, это слова синонимичнее некуда. В шортах мёрзли желтые коленки. Позабывшее чувство широких луж напомнило о себе глубоким проникновением в ещё пока летнюю обувь. Настоящий Петербург – всегда встречает по родному, дождём. Было приятно. Правда, только первый день, второй может тоже. На третий затянувшаяся музыка дождя и свитер с горлом по дому вернули в реальность. Окончательно.

Два товарища, потерявшие работу, севшие как чертята на плечи, наушничали: первый – "поехали обратно в испанскую жаровню!", второй – "поехали на рыбалку в родные просторы!" Послушал я их, стянул свой бэтменский дождевик и их обоих с плеч, и пошёл своим путём.

Уехал от них подальше. От негативных подстрекателей. За гордым грибным одиночеством. В довлатовскую заповедную вотчину.

Оказался прав. Желтые ромашки августовских, сентябрьских лисичек хорошо подошли к цвету кожи. И всё стало очевидно. Какое же это СЧАСТЬЕ вернуться домой! Даже мелкий дождь не помеха такому чувству. Да, я – ДОМА! И вам хочу сказать, наступает прекрасная пора года. Длинные звездные ночи унесут все несоответствия. Куда подальше. И они не смогут найти свою дорогу обратно. Не одолеют расстояние.

Счастье, как концентрат, а не суррогат.

Не переставать любить. Не переставать радоваться.

Удивляться, как маленький ребёнок. Знаете, как радуются дети? Очень искренне. Очень по-настоящему. Ночной, теперь уже сентябрьский, Петербург обволакивает непроглядной тьмой и заворачивает в непрочное ветреное одеяло сшитое нитками капель из лоскутков разной листвы. Ясные ночи подмигивают крупным глазом желтой луны. Луны, которая ярче петербургских фонарей.

Попав на праздник нового потока, первоклассной молодой жизни, начинаешь сомневаться, а жил ли до этого?

Затяжное первое сентября перекаатило плавно в третье. Перепутало все карты и время суток.

Когда не успеваешь, насладится белыми ночами и не-до-лю-би-ть свой город. Появляется полноценная пора. Самая по жизненному плодovitая.

Урожайная.

Осенняя точка отчёта, когда все собрались в одном месте, отдохнувшие и набравшиеся впечатлений. Когда ты, часть общей радости. Когда вас несколько машин и куча праздников. И город заодно с тобой, тоже радуется и участвует. Город даёт усиление вкуса, как кусочек шоколада к горькому пахучему кофе. Дарит дневную и ночную натуру своих исторических интерьеров. Интерьеров на воде и суше. Делится прошлыми жизнями писателей, поэтов и художников.

День знаний, дни рождения, премьеры постановок. Передохнуть некогда. Да и нет желания. Когда засыпал в четверг в знакомом месте, а в воскресенье нужно выглянуть в окно, или даже включить навигатор, чтобы понять, какой части города принадлежит архитектура за окном. Чувств и фотографий так много, что лишней раз благодаришь судьбу, что родился в этом прекрасном месте. Ночной развод мостов с гирляндами огней и вереницей впечатлений одно из самых сильных. Каждый раз по-новому, каждый раз по-детски непосредственно, с широко открытыми глазами и тёплой дружеской рукой. Спасибо любимый город, спасибо осень за незабываемые минуты счастья!

Надеюсь, что вы также переполняетесь добрыми мыслями и чувствами, несмотря на какие-то временные сложности или корявости жизненного колеса! Никакая осенняя хандра не в силах сломать истинного поэта. Горячее сердце не остынет осенью. Вдохновение с привкусом капельной сырости и особых осенних красок обязательно создадут свою прекрасную палитру, по-сентябрьски напитанную и яркую!

В старом парке

А можно просто зайти за чугунную ограду и прочувствовать.

Особая атмосфера старых парков. Пара глотков свежего воздуха со звуком машин вдалеке. Заблудившийся ветер в шелесте листьев. Замедлившееся время суетной жизни.

Временный приют неспешных прогулок, и неслучайная любовь городских посетителей в своей безграничности. Утешение и подпитка для иссечённой души. Среди петляющих дорожек из розовой гранитной крошки между высоченных деревьев с пышными прическами.

Вековые дубы и клёны. Среди многих других видов деревьев, меня почему-то, впечатляют именно эти. Тут же по-молодому изящные, нарядные оранжевощёкие красавицы рябины. Подпирающие мужскую суровую кору, изрезанную годами кожу исполинов. Газонная трава, выдавшая множество ручной и машинной заботы, стелется ещё зелёным приветливым ковром.

Помнятся времена выпивающих на газонах мутных личностей. Запах портвейна и одной конфеты на троих. Раны от осколков стекла и оберточного мусора на земле парковых ансамблей...

Теперь степенные семейства, влюблённые парочки и одинокие художники обеспечивают безопасность для глаз. Не контрастируют к реальности жизни, а дополняют узор паркового конструктора. Легко складывающийся пазл безопасности и умиротворения.

Тёмные аллеи Бунина и Белые ночи Достоевского. Вспоминается много других поэтов воспевающих эмоциональную красоту. Убегающие солнечные тени. Крик пронзительных чаек и возня чем-то вечно-озабоченных ворон. Бесцельно-бродящая ватага широкогрудых, бравых голубей. Готовых броситься в любую минуту на хлебную корку.

Глубоко спрятанные городские или пригородные парки. Для каждого он свой. Созвучия незабываемых имён Елагин остров, Гатчинский, Пушкинский, Павловский парки. Звучные названия из книг по истории государства.

И старые деревья вперемешку с молодой порослью, помнящие прогулки знатных особ. Царственных и сочувствующих фамилий.

Маленькие жители, населяющие миролюбивые зеленые оазисы. С каждым годом их больше. Может от усиленного круглогодичного питания, тянущегося к природе человека. Человека, желающего покоя, хоть и временного. Усталого горожанина. Человека бегущего от техногенности настоящего.

Утками мало кого удивишь. Даже, несмотря на разнообразие видов, прикормленных в парковых водоёмах. Располневшие и обленившиеся. Потерявшие инстинкт самосохранения и интерес к перелётам.

Белки, как оказалось, тоже разных видов. Быстрые и ловкие смешные зверьки вызывают умиление. Вызывают желание позаботиться о них. Они, как люди запасаются в зиму припасами. За десять минут пакет с кедровыми ядрами был растащен, съеден и закопан прямо на глазах. Сразу тремя неугомонно-суетливыми зверьками. Каждый раз, возвращаясь, они пачкали свежей землёй и щекотали руку своими цепкими маленькими холодными, после спрятанных припасов, лапками. Хитрые избалованные вертихвостки пренебрегали миндалём, арахисом и грецким орехом. Возвращались только к кедровому лакомству, губа у них не дура, в ценах ориентируются. Начав трапезничать, они уже не выпускали руку, пока не исчезал последний орех. Смешно подрагивая пушистым хвостом и чавкая, как несмышлёные малыши, они успевали замечать все вокруг. Иногда давали себя погладить. А иногда смешно отводили палец в сторону, удерживая его острыми коготками одной из лап.

Да, вот такие парковые по-стариковски сентиментальные развлечения с рыжими фото-моделями. Может потому они красивые, что едят много орехов?

Из парка не хочется уезжать, не хочется уходить. Хочется ощущать ароматы спокойствия и единение с силой живой природы. Осенне-парковые отношения, порой с элементами прелюбодения. Когда зашёл за парковую ограду и предал вечную любовь к городу. Без остатка рассыпался в комплиментах к парковой ухоженности и заботливому убранству зеленой красоты. С ожерельем из живых обитателей. Другая жизнь за оградой старого парка. Вроде ты в городе, а вроде уже и нет. Стоит только ступить за ограду.

Её весна

Она не находила себе места. Она искала, куда деть своё беспокойство. Исчезающие сугробы под апрельским солнцем, своим течением, загоняли в угол все чаще. Она не выносила выходные. Дни, когда грусть одиночества достигала предела человеческого терпения. Когда телефоны подруг умирали семейной идиллией. Когда, по необходимости, поход в магазин превращался в настоящую муку, глядя на улыбающиеся лица полноценных семейных пар. Семейных связанных не размыкаемой цепкостью рук и вниманием. Она была готова променять свою успешную жизнь, свой достаток и восхищённые взгляды посторонних на то, что бы её внимательно поддерживали под локоть. Помогали нести пакеты. Заступались от неприятных слов подгулявших мужчин. Чтобы все успевать в беспокойную субботу. Чтобы было с кем просыпаться в ленивое воскресенье. Просто, что бы было.

Почему этот несправедливый выбор пал именно на неё? Чем она заслужила гордое и беспощадное одиночество? Куда ей деть накопившуюся нежность? Куда растратить жажду крепких объятий? Кому прошептать тысячу тщательнейшим образом подобранных слов? Кто сможет охладить истосковавшееся по изнуряющему пламени любви упругое тело? Кто успокоит мечущийся разум?

Вопросы, вопросы, вопросы... и каждую весну не находящиеся ответы. Особенно в каждую весну. Особенно в выходные каждой весны. Жить не хотелось. Страдание и боль. Увеличивающаяся кратно на фоне оживающей природы. Бездонного и бесконечного синего неба. Невероятно причудливой формы ваты облаков. Лопающихся почек под радостное пение птичьих вестников. Оглушающую мощь ярких запахов, приносимых порывами тёплого ветра. Увеличивающиеся в размерах лужи. Бесконечные стихи о любви заполняющие сердце и душу. И... такое невозможное обычное счастье. Счастье обсудить, разделить с кем-то. С кем-то очень родным и близким. Тёплым и надежным. С родным существом, отбирающим её беспокойство, уничтожающим каждый болевой порог.

Она пробовала встречаться. Но её сильную, независимую и красивую в своей откровенности просто боялись. До конца не доверяли. Уходили под разными предлогами. Снова и снова. Они не принимали её особенность. Её труднообъяснимую исключительность. Не могли совладать с её честностью. Она топилась в алкогольных парах и непрозрачных завесах никотиновых портьер. Иногда чтобы забыться. Иногда чтобы спуститься вниз по лестнице общения с теми самыми мужчинами.

В поисках Его, она посещала театры и спортивные мероприятия. Одиноких мужчин в театре не наблюдалось. Были такие же, как она или семейные пары.

Спортивные события и его участники. Готовые на все поджарые атлеты, ничего не приносящие, кроме удовлетворения физиологии на одну ночь. Мужчины наслаждались её телом, но как бы заодно, не уставая наблюдать своё переливающееся мышцами тело в стеклянном отражении поверхностей.

Она пыталась перешагнуть грань длительных дружеских отношений. Сложившихся годами, выдержанных временем.

Нарушить несколько сантиметров. Войти в частное, очень хорошо знакомого и прочитанного несколько раз. Результатов не возникало, кроме потерянных друзей и новой тяжести в грудной клетке. Клетке, в которой сердечная пестрая канарейка переставала петь. Она испробовала все социальные сети, пропахивая байт за байтом, в поисках того, самого нужного. Того единственно-желанного. А его и там не было. За умниками и Аполлонами, скрывались обиженные жизнью сложные люди, со своим скарбом боли и безумия. Способные только отобрать, а не разделить.

Она честно пыталась. Она и дальше, не оставляет попытки. Делает это снова и снова. Ищет всегда и везде. А по ночам горько плачет, почти всегда. Особенно в выходные. Особенно весной. Она не перестаёт надеяться, что найдёт того, с кем можно будет разделить это прекрасное, разрывающее душу время года. Того, кто выслушает и поймёт. Того, кто поймёт и крепко обнимет и больше, никогда и никуда, её одну не отпустит, даже ненадолго...

Ответственность

Быстро. Так что глаза не успевают. Одинаковость мелькающего пейзажа за окном. Сплошной зеленый. Такой зеленой лентой, волнистым забором, бесконечным цветом. Деревья превращаются в яркое неразличимое пятно. Линия верхушек, как пульс больного, прыгает рваным графиком. Редко проскакивают речки и озера. Иногда, темными силуэтами, пролетают постройки. Поля пестреют желтым цветом.

Давно выжитое из обихода слово полустанок. Кусок платформы размером в половину вагона. С растрескавшимся и побелевшим от времени асфальтом. Принимающий гостей и груз довольно нечасто. Поезда здесь окончательно не останавливались. Удивленно скрипели тормозами. Казалось, не понимали, зачем тратить драгоценное время, на этот обветшалый кусок неполноценной платформы. На этот старый дом у потухшего семафора.

Маленький дом у старого переезда сменил много хозяев. Своей разноцветной продолговатостью доказывал длительность пребывания на Земле. Расположенный в лесной глуши у заброшенной грунтовки. Он почти забыл цель своего существования. Каждый новый смотритель, назначенный следить за порядком, привносил часть себя. Кто-то переделывал снаружи, кто-то перекраивал внутри. Обшарпанная жестяная крыша бликовала множеством вмятин в солнечную погоду. Сложенный наполовину из кирпича и наполовину из отслуживших шпал, выглядел очень необычно. Очень по дачному. Дача, на которую всегда не хватает денег. Денег чтобы сразу довести все до ума. Старые шпалы, пропитанные дёгтем распространяли запах природы и цивилизации. В жаркую погоду испаряющийся аромат березового дёгтя напоминал парную русской бани.

Небольшой приусадебный участок хвастался никелированной бочкой душа. Самым последним приобретением. Ухоженный малинник цепко удерживал в плену пересохший забор. Ломкие жерди закрывали одну сторону участка от дороги. Две прямоугольные теплицы изнутри запотели непроглядной росой. Дом никогда не выглядел заброшенным, как многие другие похожие. Добавлялась свежая деталь. Деталь – не дающая умирать. Деталь – дающая новое жизненное тепло. Эволюцию дома можно было наблюдать по телевизионным антеннам. От одного конька крыши до другого. С разным наклоном от времени или порывов ветра. Причудливые антенны, невпопад растопыривали свои рога. Завершающей победой цивилизации служил блин спутникового телевидения. Со стороны дом смотрелся немного покосившимся влево. Нетвердая петляющая тропинка к входу окаймлялась разросшейся лесной земляникой. Цементная урна, с гербом СССР, не понятно как тут оказавшаяся, стояла набитая пластиковыми бутылками из-под лимонада. Российский триколор вяло развивался над небольшой верандой. От стрекотания кузнечиков и тончайшего звона в рельсах закладывало уши.

Без проходящих поездов дом казался обычной сторожкой в обычном садоводстве. Сторожкой куда стащили все, что попало под руку. Все, что могло пригодиться в хозяйстве. Не закрывающаяся дверь сарая светила набалдашником железной кровати и наваленными кое-как дровами. У сарая в ряд стояли четыре стула. Все без сидений.

Дом много знал. Дом много видел. Дом помнил большие чёрные паровозы, нервно обдававшие его клубами пара. Видел бесконечное количество вагонов товарных составов. Подтекающих цистерн с нефтью. Посыпающих зерном и песком гравийную поддержку шпал. Со временем неплотно закупоренных вагонов становилось всё меньше. Дом замечал дула танков перевозимой военной техники. Мелькавшие заспанные лица людей. Что-то пьющих и смотрящих в окно. Иногда просто слепые окна. Тёмные окна погашенного света, выстраивающиеся в ровную серую линейку.

Стремительный стук колёс скорых поездов. Скорые всегда догоняли время. Будили дом у переезда по утрам. Дрёма стряхивалась, как чашкой хорошего кофе, как громкой музыкой.

Их антиподами служили грузные товарные коровы. Длинные товарняки пели убаюкивающую песнь всю ночь.

Тадык-тадык...

тадык-тадык...

тадык-тадык...

Казались, надежными муллами, монотонно делающими свою незаметную работу. Только суетливые электрички, с криком испуганных чаек, бегали отрывисто и часто. Прерывали рабочий ритм больших животных.

Медленно меняющийся дом наблюдал за быстро меняющимся подвижным составом. Ручные дрезины, угрюмые паровозы, маленькие тепловозы, трудолюбивые электровозы.

Современные поезда. Контрастом раскрашенные хищные Сапсаны. Острой мордой внезапно протыкающие пространство. И так же внезапно исчезающие. Туполицые электрички, постепенно заменяемые изящно порхающими Ласточками. Люди, бывавшие в доме, часто упоминали эти птичьи названия. Дому становилось покойнее от тягучих разговоров под крепкий чай. Слушая людей, дом всегда хотел побывать в местах, куда стремятся железные, гремучие змеи. Сотрясающие землю. Грузовые. Пассажирские. Посмотреть, познать неведомые места. Увидеть, как живут другие дома у переезда. А иногда, не хотел. Было страшно оставить свой пост. Свои всеми забытые лампы семафора. Возможно, когда-нибудь дорога снова оживет. И снова понадобится его помощь. Его пронзительные предупреждающие звонки. Его красные глаза, предупреждающие об опасности. Опасности исходящей от груды организованного металла, несущегося на огромной скорости. Нет, он не мог покинуть свой объект. Ответственность, была важнее личного интереса. Интереса к другой жизни.

Жизнь становилась быстрее. Напористее. Дом, замечал, как увеличивались скорости течения железнодорожного потока. Менялась сама жизнь от примитивного к футуристическому. Менялась форма. От кумача, украшающего эшелоны, к яркому пластику расчерченных фигур на зализанных поездах. Менялось содержимое. От пара, к совершенным двигателям. И только дом у переезда оставался на своём месте. По-прежнему вслушиваясь в стук колёс. Дом по-прежнему ревностно охранял нескончаемый бег современности.

Она Он Они

Помнишь, когда ты была маленькой, ты страстно желала стать певицей. Ты брала мамин плед. Заворачиваясь в него, хватала воображаемый микрофон. Иногда расческа его заменяла. Открывала особым образом трюмо, вылавливая угол всестороннего погружения в артистический процесс. Ты кидала в огромный зал заранее отрепетированные движения. Очень изысканно корчила гримасы. Зал тонул многотысячным ревом. Ты небрежно изгибала спину, почти вываливаясь из дико неудобных маминых спинок, многим больших по размеру. Помада была главным атрибутом молодого и звездного макияжа. Ты брала талантом. Лучшим вокалом и текстами. От силы твоего голоса падали птицы, случайно пролетающие за окном. Это был грядущий успех. Другой жизни у тебя не могло быть. Ты была рождена стать первой после талантливой Аллы Пугачевой. Голосом своей эпохи. Раз и навсегда.

Помнишь, когда ты был маленьким. Ты на всю свою детскую душу был уверен, что станешь самым известным врачом. Хирургом от Бога. Ты лечил все, что попадалось под руку. Плюшевых мишек и чужих кукол. Соседского не желающего лечиться кота и собственного всегда упирающегося хомяка. Мальчишек и девчонок сначала в детском саду, а затем во дворе. Твои инструменты были всегда под рукой. Твои руки считали золотыми. С них делали слепки. О тебе писали все газеты и журналы. На прием к тебе ехали со всей страны. К тебе невозможно было попасть. Такую картину ты четко видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.